
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

М. И. ЗВЕРЯКОВ,
*профессор, доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
ректор Одесского национального
экономического университета,
ул. Преображенская, 8, 65082, Одесса, Украина*

MYKHAILO ZVERYAKOV,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Rector, Odesa National Economic University,
8, Preobrazhenska St., Odesa, 65082, Ukraine*

УДК 330.34:338.1(477)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ

Показано, что неустойчивый экономический рост стал характерной чертой украинской модели развития. Исследована природа спадов и подъемов в разных экономических моделях. Раскрыты причины, из-за которых не запущен механизм массового обновления производства. Выявлено, что глубинные причины неустойчивого экономического роста кроются в сложившейся системе воспроизводства промышленного капитала. Обоснована необходимость разработки комплексного плана обновления материально-технологической структуры национальной экономики.

Ключевые слова: устойчивый рост; трансформационный спад; воспроизводство промышленного капитала; новая модель устойчивого развития; программно-целевой метод планирования.

Библ. 7; табл. 1.

UDC 330.34:338.1(477)

THEORETICAL PARADIGM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND UKRAINIAN REALITIES

The author shows that unsustainable economic growth is a characteristic feature of Ukraine's development model. The nature of recessions and upsurges in various economic models is studied. The reasons for not launching the mass renewal of production are revealed. It is shown that the key causes of unsustainable economic growth lie in the existing system of reproduction of industrial capital. The necessity to develop the comprehensive plan for updating the material and technological structure of the national economy is substantiated.

Keywords: sustainable development; transformation recession; reproduction of industrial capital; new model of sustainable development; program-target method of planning.

References 7; Table 1.

© Зверьяков Михаил Иванович (Zveryakov Mykhailo), 2018; e-mail: rector@oneu.edu.ua.

Проблема устойчивого развития

Неустойчивое развитие Украины уже многие годы продолжает держать в напряжении все общество и остается в центре внимания как политиков, так и ученых. Предпринимаемые правительством меры направляются, главным образом, на обеспечение макроэкономической стабильности, снятие социальной напряженности, вызванной снижением уровня жизни основных слоев общества. В итоге преодоление рецессии, сменяющейся незначительным ростом ВВП и промышленного производства, связывается и в научном сообществе, и в органах государственного управления и бизнесе с возобновлением устойчивого экономического роста как базиса для решения накопившихся проблем. Поэтому в научной литературе, в периодической печати и на практике возрастает интерес к теме устойчивого экономического развития [1]. Но в понятие устойчивости нередко вкладывается разный смысл, что не удивительно, поскольку сам этот термин действительно многомерен. В силу этого нужна четкость в определении самого понятия “устойчивое развитие” как неопременного условия научного анализа. Первое, что необходимо, — установление связи антикризисной политики по обеспечению устойчивости экономики с понятием “устойчивое развитие”, с некоторых пор широко вошедшим в научный оборот и в нормативные документы.

Напомним, что термин “устойчивое развитие” был предложен учеными и политиками в конце XX в. в связи с настоятельной необходимостью предотвратить негативное влияние хозяйственной деятельности на мировую экосистему. Термин “устойчивое развитие” вошел в широкий научный оборот после публикации доклада “Наше общее будущее”, подготовленного в 1987 г. Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию. Позже понятие “устойчивое развитие” получило официальное закрепление в меморандуме “Повестка дня XXI века” Всемирного саммита 1992 г. в Бразилии.

Новая ситуация в мире в начале XXI в. проявилась в виде дисбалансов не только между реально нарастающей и допустимой нагрузками на биосферу, но и в мировой экономике, приведших к глобальному кризису 2007–2009 гг. Снова актуализировалась проблема устойчивого развития, в силу чего само понятие “устойчивое развитие” стало употребляться также при анализе стратегических решений, связанных с преодолением этого кризиса. Иначе говоря, концепция устойчивого развития обретала новое, более широкое значение для определения новой стратегии социально-экономического развития в условиях, вызванных кризисными процессами как в мировой, так и в национальной экономиках. Можно сказать, что в научной литературе наблюдается несовпадение определений понятия “устойчивое развитие”. Если у нас, как и в других странах с развивающейся рыночной экономикой, этот термин используют при выработке программ устойчивого экономического роста, то в мире в целом под устойчивым развитием понимается гораздо более фундаментальное, сбалансированное развитие экономических, социальных и экологических компонент [2, с. 59–60]. Именно такое понимание закреплено в документах международных организаций и в стратегиях развития всех стран после конференции ООН 1992 г. и принятия на ней документа для человечества “Повестка дня на XXI век”, в котором признана невозможность устойчивого развития только за счет экономического роста*.

В то же время уровень жизни в странах разных частей планеты слишком сильно различается, в связи с чем для преодоления чрезмерного отставания слаборазвитых стран от средних жизненных стандартов и теперь, и в будущем не обойтись без

* Повестка дня на XXI век. — ООН, 1993. — 300 с.

стимулирования экономического роста. Поэтому крайне усложняется поиск ответа на вопрос об оптимальных темпах роста в разных странах с точки зрения устойчивого развития. Сегодня вновь актуализировались поиски ответов на такие вопросы, как, например: какие темпы экономического роста желательны для восстановления устойчивого экономического роста в посткризисном мире? могут ли быть сформированы рекомендации относительно темпов экономического роста для стран с развивающейся экономикой? В ряде публикаций приводятся весьма категоричные высказывания по поводу сдерживания экономического роста в странах с переходной экономикой и в развивающихся странах, вызывающие несогласие этих стран, поскольку, как правило, базируются исключительно на опыте небольшой группы стран высокоразвитого капитализма. Такой опыт объективно не может быть массово воспроизведен в условиях ограниченности ресурсной базы планеты.

Известно, что в последние годы темпы экономического роста в развивающихся странах были существенно выше, чем в промышленно развитых странах, что объясняется огромным стартовым разрывом между ними. Эти высокие темпы роста ВВП в развивающихся странах не вызвали тревоги в мировой экспертной среде до тех пор, пока не выяснилось, что основной причиной таких темпов служит желание развивающихся стран сократить разрыв в стандартах потребления благ, достигнутых развитыми странами. Осознание данного факта актуализировало обсуждение проблем развития в условиях ограниченности ресурсов. Поэтому на конференции ООН по устойчивому развитию 2015 г. были определены количественные индикаторы устойчивого развития на 2016–2030 гг. *.

В принятых международных документах говорится о необходимости развивать Программу ООН по окружающей среде, но предполагается, что каждая страна сама должна решать, как она будет достигать соответствующих целей. Поэтому международные экологические организации называют такой документ лишь “набором пожеланий” и говорят “о похоронах защиты окружающей среды на мировом уровне”.

Украине также необходимо иметь стратегию устойчивого развития, которая бы базировалась на сбалансированности экономических, социальных и экологических компонентов. В настоящее время такого стратегического документа развития у нашей страны нет. На наш взгляд, в условиях функционирования сырьевой модели развития без перехода к новой его модели, которая бы основывалась на новых энерго- и природосберегающих технологиях, сбалансировать экономические, социальные и экологические компоненты не представляется возможным. Для Украины крайне важными становятся возобновление и обеспечение устойчивого экономического роста национальной экономики путем задействования, прежде всего, внутренних факторов. Однако на сегодня это только стратегическая задача, выполнение которой должно учитывать ряд обстоятельств, крайне важных для национального развития.

Цель статьи – выяснить причины неустойчивого экономического роста, одна из которых заключается в сложившейся модели хозяйствования, определить контуры новой модели, способной обеспечить устойчивое развитие в будущем.

Неустойчивый экономический рост – существенный признак национальной модели

Процесс становления капитализма в Украине, как и в других государствах постсоциалистической экономики, сопровождался огромным экономическим

* Принятие Парижского соглашения Сторон. Двадцать первая сессия. – Париж, 30 ноября – 11 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ECCC/CP/2015/L.9/Kov./1.ООН.2015.

спадом. Избежать его не удалось ни одной из этих стран, хотя в каждой из них масштабы спада производства и его продолжительность оказались разными. Так, в 1999 г. общее падение ВВП по отношению к 1990 г., году наивысшей точки кризиса, составило в Украине 62%. Это один из самых значительных спадов в бывших советских республиках. Больше спад оказался только в Азербайджане (63%), Таджикистане (64,2%) и Грузии (76%), то есть в странах, вовлеченных в гражданские конфликты на старте рыночных реформ [3, с. 118].

В начале рыночной трансформации, то есть в 1990-е годы, Украина не испытывала открытых гражданских конфликтов. В национальной экономике постепенно возникали институты рынка, начали проводиться антиинфляционная, фискальная и монетарная политики, способствовавшие снижению темпов инфляции. Благоприятной оказалась и внешняя конъюнктура. Спрос на украинские металлы, химические удобрения, уголь, зерно и т. п. резко возрос.

Все это, вместе взятое, послужило толчком к росту украинской экономики в 2000-е годы, происходившему на базе бывшей советской промышленности. В экономической литературе такой рост был назван “восстановительным” и вплоть до осени 2008 г. составлял 7% прироста ВВП. По темпам роста ВВП национальная экономика входила в число лидеров среди крупных экономик постсоветского пространства. Вместе с тем к концу 2008 г. ВВП Украины составлял лишь около 70% по отношению к 1990 г. Если бы такие темпы роста сохранились, то приблизительно к середине 2010-х годов докризисный уровень мог быть достигнут. Однако, в силу социально-экономического кризиса 2008–2009 гг., политического кризиса конца 2013 – начала 2014 г. и последовавших внешних шоков в виде цен на газ и на экспортные сырьевые товары, в стране возобновился трансформационный спад. Украина попала в полосу неустойчивого экономического роста, когда незначительный рост ВВП сменяется его падением, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Среднегодовые темпы прироста ВВП в мире и в Украине по ППС в 2015 г. *

(%)

Показатели	Г о д ы				
	1991–2000	2001–2010	2011–2016	2017–2020	2021–2030
Мир в целом.....	3,2	3,9	3,5	3,7	3,8
Среднегодовой прирост населения.....	1,46	1,21	1,15	0,81	0,55
Развитые страны.....	2,7	1,7	1,7	2,2	2,6
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.....	4,1	6,6	5,1	4,8	4,6
Украина.....	–8	4,3	–1,5	2,9	–

* Рассчитано по данным Всемирного банка (SDP growth (annual %) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://data.worldbank.org/indicator/NY.SOP.MKTR.KD.ZG>), Венского института сравнительных экономических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wiiw.ac.at/ukraine-overview-se-14.html>, а также [4. с. 24].

Достигнутые нашей страной показатели ВВП конца 2008 г. были опять утрачены. Теперь, по данным Всемирного банка, ВВП Украины составляет только 65% показателя 1990 г.

Всемирный банк, оценивая итоги развития украинской экономики в начале 2000-х годов, отмечал: “Недавний экономический рост в Украине базировался на

недиверсифицированном, но сильном росте экспорта в секторах экономики, контролируемых финансово-промышленными группами, которые оперируют с помощью неформальных отношений и специальных привилегий” *. В то же время доходы ФПГ, доминирующих в экономике, не инвестировались в национальную экономику, а выводились в оффшоры так называемой “оффшорной аристократией”. Структура этих доходов включала в себя не только значительную часть прибыли (в том числе и природную ренту), но и часть необходимого продукта через занижение оплаты труда, а также амортизационные отчисления из-за отсутствия необходимых норм регулирования воспроизводства основного капитала.

В итоге в течение без малого 30 лет реформ страна утратила результаты труда целого поколения. По данным Всемирного банка, Украина является мировым лидером по падению ВВП за 1991–2015 гг. За этот период показатель ВВП страны сократился на 35%. Такого падения нет ни в одном государстве мира. Следующие места по уровню падения ВВП за этот же период распределились так: Молдова (–29%), Грузия (–14%), Зимбабве (–2,3%), ЮАР (–0,94%). В 2017 г. по показателю ВВП на душу населения (2190 дол.) Украина была на уровне Гондураса (2200 дол.), или на 20% ниже, чем в 1990 г., и стала самой бедной страной в Европе. Если экстраполировать средние темпы прироста душевого ВВП Украины и соседних стран (Польша, Румыния, Турция) за 2015–2017 гг. до 2030 г., то картина остается прежней, то есть имеет место, как минимум, двукратное отставание нашего государства по данному показателю. Чтобы догнать ближайших соседей, Украине необходимы темпы прироста ВВП, как в Китае, то есть в среднем на уровне 7% в год в течение всего периода до 2030 г. В сложившихся условиях национального развития такой сценарий представляется неосуществимым, о чем свидетельствуют прогнозы экспертов **. Темпы экономического роста, особенно за счет промышленного сектора, остаются незначительными для преодоления возникшего отставания от соседних стран.

Еще один параметр, характеризующий масштабы продолжительного национального кризиса, – это депопуляция и миграция населения как прямое следствие сокращения экономики, которая не в состоянии обеспечить людей работой и заработками.

Повышение темпов роста ВВП в 2016 и 2017 гг., соответственно, до 2,4% и до 2,5% после 17-процентного спада в 2014–2015 гг. породило иллюзию преодоления кризиса. Сформировалась точка зрения, согласно которой наша страна преодолела кризис и перешла в фазу экономического подъема [1]. Однако, на наш взгляд, это оживление нельзя считать полноценным экономическим ростом по целому ряду обстоятельств. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, как показывает текущая экономическая динамика, темпы роста достаточно волатильные, сопровождаются замедлением, приостановками, а иногда и микроспадами (особенно в части промышленного производства), что не характерно для устойчивого экономического роста. Так, в 2015 г. падение промышленного производства было на уровне 13%, в 2016 г. его объемы выросли на 2,8%, но в 2017 г. их рост составлял лишь 0,4% ***.

* Country Assistance Progress Report for Ukraine // The World Bank Report. – № 032250-UA. – 2005. – Мюнх. – 46 р. – Р. 20.

** Венский институт сравнительных экономических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wiiw.ac.at/ukraine-overview-ce-14.html>.

*** Там же.

Во-вторых, продолжается снижение реальных доходов населения из-за постоянного роста цен и тарифов: по экспертным оценкам, за последние четыре года они сократились более чем на 30%.

В-третьих, в промышленности сохраняются старое оборудование и устаревшие технологии. Степень износа основных фондов на некоторых предприятиях достигает 65–75%. Каждое третье предприятие убыточно. Доля просроченных кредитов на предприятиях достигла 50%. Поэтому кредитная поддержка предприятий не значительна.

В-четвертых, современная бюджетная политика правительства индифферентна к задачам активизации экономического роста. Ограничения дефицита и расходов бюджета ослабляют ведущую роль государственных финансов в поддержании экономического роста. Такая бюджетная политика ведет к снижению доходов бюджетной сферы и ее работников, а также незащищенных слоев населения.

В-пятых, инфляция, достигшая в 2015 г. 48,7%, в 2016 г. снизилась до 13,9%, а в 2017 г. снова возросла до 14,4%. Борьбу с инфляцией НБУ осуществляет путем подавления спроса, завышая кредитные ставки. Так, в январе 2018 г. НБУ увеличил ставку рефинансирования на 1,5% – до 16%, демонстрируя тем самым свое отношение к резкому увеличению социальных выплат, назначенных правительством.

В-шестых, резкое падение доходов населения привело к оттоку трудоспособных граждан за рубеж. Ускоренному выезду с целью поиска работы способствовало введение безвизового режима с ЕС. Более 50% “рабочих” виз украинцам выдала Польша. Как следствие, в национальной экономике в январе – сентябре 2017 г. количество рабочих мест снизилось на 0,5%. Сокращение предложения рабочей силы, а также повышение минимальной оплаты труда повлекли за собой рост средней заработной платы на 35%. В то же время уровень безработицы считается высоким – около 9,5–10%.

В-седьмых, одним из существенных ограничений в развитии украинской экономики стала высокая долговая нагрузка. Динамика внешней задолженности служит своеобразным индикатором развития страны для внешних кредитов, в том числе и для МВФ при принятии решений о ее будущем кредитовании. Способность экономики снизить рост долга, прежде всего, за счет устойчивых темпов экономического роста и ослабления долговой петли является основанием для выдачи очередного транша. Для Украины на данный момент долговое бремя становится только тяжелее. Внешний долг давно уже превышает пороговые показатели, обозначенные МВФ на уровне 60% ВВП, и достигает, соответственно, 80%. Негативная динамика государственного долга, которую все сложнее переломить, не увеличивая темпы экономического роста, усугубляется значительными долговыми обязательствами, составляющими 8–12 млрд. дол. в год. Можно сказать, что национальная экономика обрела негативную динамику в наращивании государственного долга, из которой невозможно выйти, не перейдя к устойчивому экономическому росту*.

Таким образом, экономика Украины вступила в фазу неустойчивого экономического роста в связи с исчерпанием потенциала восстановительного роста, сокращением притока экспортной выручки и иностранного капитала, а также увеличением иностранных кредитов.

Угроза развития украинской экономики в параметрах стагнации и небольшого роста ВВП остается, что объясняется не только исчерпанием потенциала восстановительного роста, но и сохранением сложившейся модели развития. Поэтому, на наш взгляд, каких-либо реальных изменений в 2018 г., а также в 2019–2020 гг. ожидать не приходится. Сохранение вялотекущего роста с нарастанием рисков па-

* Там же.

дения остается из-за сохранения сырьевой модели, в основе которой лежат: устаревшие основные фонды, 2/3 которых уже отработали свой срок; уродливая структура экономики и экспорта с доминированием сырьевых отраслей; значительно сокращающиеся расходы госбюджета на 2018–2020 гг.; крайне низкая доля инвестиций в основной капитал (в среднем за 2014–2017 гг. 14,2% ВВП ежегодно, а по экспертным оценкам – 9,3%) и в сферу “экономики знаний” – науку (0,65%), не обеспечивающих простое воспроизводство в экономике; высокий уровень инфляции и ставок по кредитам, а также стагнирующие капитал и активы отечественных банков; постоянное сокращение трудовых ресурсов из-за демографических сдвигов и трудовой миграции; низкие занятость и производительность труда; развившиеся патернализм и иждивенчество. Все это требует изменений, для чего необходимо идти на серьезные и масштабные реформы, на пересмотр утвердившихся представлений о нашем прошлом и будущем развитии.

Для многих исследователей сложившаяся экономическая модель Украины напоминает латиноамериканскую модель 1980-х годов. Известно, что этой модели присущи такие признаки: периодические дефолты, неплатежи, высокий уровень инфляции, рост внешнего долга и безработицы, доминирование кланово-олигархических групп и т. п. Она также характеризуется постоянным повторением либеральных макроэкономических шоков. Поэтому для украинской экономической модели рецепты выхода из замкнутого круга нарастания внешнего долга и низких темпов роста ищут в успешном опыте отдельных стран Латинской Америки (например, Чили). Но здесь возникает вопрос, на который необходимо найти ответ: действительно ли украинская экономика по своей природе представляет собой разновидность латиноамериканской модели? На первый взгляд, украинскую экономическую модель роднит с латиноамериканской совпадение многих внешних признаков. Но служит ли это основанием для отнесения их к одному типу? Известно, что латиноамериканская модель является разновидностью модели “периферийного капитализма”, где действуют законы капитализма, модифицированные архаичной национальной спецификой. Характерно ли это для украинской хозяйственной модели? Попробуем разобраться в этом, учитывая всю предшествующую историю украинской хозяйственной системы.

О природе спадов и подъемов в разных моделях экономики

Поскольку текущая экономическая динамика достаточно неустойчива и характеризуется спадами и незначительными подъемами, то возникает вопрос о природе самих спадов и подъемов. Сами спады и подъемы в экономике могут иметь различные причины: к примеру, следует различать спад, обусловленный переходом от одной системы хозяйствования к другой, и внутрисистемный спад, именуемый “кризисом”. Остановимся на этом подробнее.

Украинская экономика в своем развитии не вышла на уровень 1990 г., поэтому можно говорить, что она все еще находится в пределах трансформационного спада. Проблема трансформационного спада впервые была исследована Я. Корнаи и Е. Красниковой [5; 6, с. 179–212]. В современной экономической литературе трансформационный спад нередко отождествляется с экономическим кризисом как фазой промышленного цикла, присущего развитой рыночной экономике. Основанием для такого отождествления служит сходство внешних форм их проявления: это, прежде всего, снижение ВВП, сокращение объемов промышленного производства, рост безработицы, повышение уровня инфляции, падение доходов населения, усиление социальной напряженности и т. п. Сходство внешних форм проявления трансформа-

ционного спада и экономического кризиса отнюдь не случайно. Такая общность внешних форм обусловлена единством той роли, которую выполняют трансформационный спад и экономический кризис. Эта роль заключается в разрешении социально-экономических противоречий, накопленных в предшествующий период развития и материализовавшихся в материально-вещественной структуре экономики.

Разрешение таких противоречий неизбежно влечет за собой частичное разрушение или изменение сложившейся материально-технологической структуры, высвобождая тем самым пространство для становления новой макроэкономической структуры, соответствующей новому технологическому укладу (если речь идет об экономическом кризисе) или новой социально-экономической системе (когда происходит трансформационный спад).

Поскольку накопленные социально-экономические противоречия находят свое воплощение в сложившейся материально-технологической структуре, постольку такие изменения обуславливают обострение социально-экономических противоречий как в современной рыночной экономике, так и в переходной, к которой можно отнести украинскую. Однако суть в том, что при внешнем сходстве форм проявления экономического кризиса и трансформационного спада они имеют разную социально-экономическую природу, а потому выполняют свои роли по-разному и в принципиально разных конкретно-исторических условиях. Потому и способы их преодоления не могут быть одинаковыми: хотя и экономический кризис, и трансформационный спад выполняют роль механизма разрешения противоречий, накопленных за предыдущие периоды развития, все же и сами эти периоды оказываются разными по своим социально-экономическому содержанию и продолжительности.

Как известно, в зрелой рыночной экономике период спада измеряется продолжительностью промышленного цикла, завершающегося кризисом, что свидетельствует об исчерпании потенциала развития на материальной основе существующего поколения техники и технологии. С помощью имеющегося технологического способа производства происходит насыщение сложившегося совокупного спроса, а вновь возникающие и расширяющиеся потребности могут быть удовлетворены путем массового обновления производства.

Как свидетельствует опыт, в рыночной экономике периодически происходит смена технологических укладов, приводящая к усложнению структуры производства и экономики в целом. В такие периоды смены технологических укладов экономический кризис оказывается более глубоким и продолжительным. Особенно сложно протекает кризис на понижающей волне длинного технологического цикла конъюнктуры.

Смена технологических укладов не только снимает ограничения роста эффективности рыночной экономики, но и на время устраняет противоречия между производством и потреблением, имеющие разные социально-экономические формы проявления. Новая технико-технологическая основа производства открывает перспективы для экономического роста в границах очередного делового цикла. На макроуровне устанавливается макроэкономическое равновесие на основе функционирования обновленного реального сектора, удовлетворяющего на более высоком уровне общественные потребности — как традиционные, так и вновь возникшие. На микроуровне предприниматели осуществляют технико-технологическое обновление производства, способствующее воспроизводству индивидуального капитала, вступающего в новый промышленный цикл. Циклический характер развития рыночной экономики ставит перед наукой и практикой вопрос об антициклическом регулировании.

В западной экономической науке и хозяйственной практике проблема антикризисного регулирования находится в центре внимания как ученых, так и управ-

ленцев. Задача выравнивания экономического развития во всех фазах цикла с целью предотвращения кризисных спадов решается методами прогнозирования хозяйственной конъюнктуры, охватывающего продолжительность цикла в целом. Это позволяет смягчить его разрушительные последствия. При этом, как показывает опыт, в западной экономической литературе способы антициклического регулирования трактуются разными экономическими школами по-разному. Такое разное видение регулирования экономических циклов предполагает наличие разных приоритетов в экономической политике. Практика антикризисного регулирования, существовавшая на протяжении многих десятилетий, свидетельствует, что эффективными методами регулирования могут стать рекомендации разных школ. Это могут быть и кейнсианство, и монетаризм, и институционализм, но только в определенных конкретно-исторических обстоятельствах, а также в том или ином сочетании самих рецептов. В итоге успех зависит от адекватности принимаемых антикризисных мер условиям хозяйствования, сложившимся в каждом конкретном случае.

Таким образом, сложившаяся практика антикризисного регулирования свидетельствует, что, преодолевая очередной кризисный спад, система экономических отношений не только сохраняется, но и поступательно развивается на основе смены промышленных циклов как определенных этапов в реализации инновационно-инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов. При помощи антикризисного регулирования происходят выравнивание экономического развития во всех фазах цикла, а также коррекция макроэкономической структуры в ее отраслевом, территориальном, секторальном и других аспектах, как и ее оптимизация.

Кардинально иную роль выполняет трансформационный спад в странах, где происходит становление капитализма. Этот спад разрешает противоречия, накопленные предшествующей экономической системой в течение нескольких десятилетий, измеряющих ее историческое время. Как показывает опыт становления капитализма в постсоциалистических странах (в том числе и в Украине), накопленные противоречия разрешаются путем частичного разрушения материально-вещественной структуры, сформированной на протяжении многих десятилетий и явившейся материализацией существовавшей экономической системы под влиянием внутренних и внешних (мировых) рыночных сил. Как известно, постепенное затухание темпов экономического роста в советской экономике стало проявляться еще в начале 1960-х годов и продолжилось в 1970–1980-х годах, что свидетельствовало о том, что сложившаяся тогда макроэкономическая структура полностью себя исчерпала и не могла больше сохранять высокие темпы экономического роста. Накопленные противоречия решено было преодолеть путем внедрения рыночных отношений в советскую систему хозяйствования (так называемой “перестройки”, начавшейся во II половине 1980-х годов).

Но преодолеть возникшие противоречия не удалось ввиду неадекватности принятых мер сложившейся ситуации. Смена механизма хозяйствования оказалась объективно неизбежной в условиях, когда экономическая система исчерпала свой потенциал роста, а в связи с утратой управляемости вошла в состояние распада. Преодоление накопленных противоречий оказалось возможным лишь путем перехода к иной экономической системе, основанной на рыночном механизме хозяйствования и рыночных критериях эффективности всех видов производства. Альтернативы рыночному механизму хозяйствования не было. В силу этого трансформационный спад связан с неизбежным преобразованием макроэкономической структуры, построенной на плановых методах управления, в рыночные способы хозяйственной координации.

Сам термин “трансформационный спад” в научный оборот ввел Я. Корнай, объяснивший его возникновение следующими причинами: переход от рынка продавца к рынку покупателя; глобальная структурная перестройка экономики; нарушение экономической координации в связи с заменой командного координационного механизма рыночным; ужесточение бюджетных ограничений для предприятий; неразвитость финансового сектора экономики [5].

Все названные причины обусловлены процессом преобразования плановой хозяйственной системы в рыночную. Глубина и продолжительность трансформационного спада в постсоциалистических странах обусловлены глубиной накопленных социально-экономических противоречий, а следовательно, и степенью деформации материально-вещественной и социально-экономической структур.

По поводу характеристики трансформационного спада в литературе встречается немало суждений. Так, заслуживает внимания характеристика трансформационного спада как одной из фаз трансформационного цикла, включающего в себя две фазы: понижающую с отрицательными темпами роста, являющуюся собственно трансформационным спадом, и повышающую, характеризующуюся положительными темпами роста [6, с. 182–186]. Именно трансформационный цикл, включающий эти две фазы, и определяет границы переходного периода. Критерием завершения переходного периода является та точка экономического подъема, когда экономическая система преодолевает уровень развития, наблюдавшийся до ее вступления в фазу трансформационного спада. Однако это только количественная характеристика завершения переходного периода. Важно, чтобы обеспечивался устойчивый экономический рост на основе освоения промышленным капиталом реального сектора экономики путем наращивания инвестиционной деятельности.

Следовательно, трансформационный спад явился специфическим феноменом рыночного преобразования постсоциалистической экономики. Его роль заключалась в снятии противоречий советской хозяйственной системы, материальным носителем которой была унаследованная макроэкономическая структура экономики. Такое снятие происходило путем ее частичного разрушения ввиду избыточности на основе рыночных критериев удовлетворения совокупного спроса на продукцию отдельных предприятий и отраслей. Тем самым устранялись наиболее глубокие структурные и технологические дисбалансы, унаследованные от старой плановой системы, и создавались предпосылки для становления новой макроструктуры на основе критериев капиталистической системы хозяйствования. Завершение трансформационного спада и переход экономики в стадию устойчивого роста могут быть началом формирования капиталистического *воспроизводственно-промышленного цикла*. Но такое снятие накопленных противоречий происходит в пределах техники старого поколения и базирующейся на ней новой экономической системы благодаря деятельности новых экономических субъектов.

Таким образом, можно утверждать, что продолжительность трансформационного цикла определяется периодом “умирания” старой экономической системы и становления новой системы отношений. Именно этот временной интервал “умирания” одной системы и становления другой образует переходный период, завершение которого обозначается возобновлением экономического роста, детерминированного новой системой экономических отношений.

Но проблема трансформационного спада не может быть объяснена только исчерпанностью потенциала развития предшествующей экономической системы. В пределах самого переходного периода возникает целый ряд обстоятельств, спо-

собствующих разворачиванию трансформационного спада. Отметим наиболее существенные из них.

Во-первых, с возникновением новой системы отношений, где критерием существования тех или иных элементов хозяйственной системы становится удовлетворение конечного спроса потребителей, экономический спад стал сопровождаться деиндустриализацией научного и производственного потенциалов. Отсутствие рыночного спроса на продукцию целого ряда отраслей (прежде всего, обрабатывающей, военного комплекса, легкой промышленности) в условиях внешнеэкономической либерализации подвергло их еще большему разрушению. Смена критерия макроэкономической сбалансированности с планового на рыночный выдвинула перед органами государственного управления проблему национальной реструктуризации, которая бы способствовала становлению принципиально иной структуры народного хозяйства, ориентированной на конечный спрос. В ходе системных преобразований отношений собственности из государственной в частную возник кризис системы институтов государственного управления. По некоторым экспертным оценкам, дезинтеграционные процессы, возникшие при распаде некогда единого народнохозяйственного комплекса, усугубили спад экономики приблизительно на одну треть.

Во-вторых, углублению экономического спада способствовал специфический характер первоначального накопления капитала и формирования класса собственников. Вневоспроизводственная природа первоначального накопления капитала, дефицит денежного капитала удлинляли образование промышленного капитала и ограничивали разворачивание инвестиционной деятельности уже приватизированных предприятий. Новый класс собственников, сформированный в своем подавляющем большинстве из вчерашних руководителей государственных предприятий, начинал с малого, вводя в действие незагруженные производственные мощности, присвоенные в ходе приватизации, с целью скорейшего получения прибыли. Так начинался “восстановительный рост”, который можно отнести к фазе трансформационного подъема. Однако если собственники не осуществляют реструктуризацию предприятий и не перепрофилируют их на выпуск продукции, пользующейся спросом (что весьма непросто в экстремальных условиях экономического спада), то, как подтвердила практика, такой рост окажется неустойчивым и может приостановиться. Для нового собственника весьма проблематично разворачивание предпринимательской деятельности в отраслях, не приносящих высоких доходов, но необходимых для оптимизации макроэкономической структуры в соответствии с рыночными критериями.

В таких случаях на помощь новым собственникам должно прийти государство в форме *промышленной политики*, суть которой заключается в содействии структурно-технологическим преобразованиям путем формирования промышленного капитала как главного элемента воспроизводственного процесса. Эта политика должна была ослабить социальные потрясения, вызванные ломкой сложившихся ранее структуры экономики и структуры занятости. Такие структурно-технологические преобразования традиционно сопровождаются ростом безработицы, которая сокращается не просто поисками нового места работы, а переквалификацией рабочей силы в соответствии с меняющимися потребностями экономики.

В-третьих, необходимой предпосылкой для экономического роста является возникновение критической массы подлинных собственников, способных перейти от первоначального (то есть невоспроизводственного) накопления капитала к воспроизводственному (то есть капитализации полученной прибыли), а также к использованию амортизационных ресурсов и заемных средств для обновления

промышленного капитала. Это, в свою очередь, предполагает формирование благоприятных условий для инвестиционного процесса, стимулирования воспроизводственного накопления путем установления контроля за экспортом отечественного капитала и наращивания ПИИ в реальный сектор экономики и т. п.

Таким образом, трансформационный спад стал специфическим результатом рыночного преобразования постсоциалистической экономики. Его основная роль заключалась в снятии противоречий предшествующей хозяйственной системы, материальной носительницей которых выступала материально-вещественная структура производства, доставшаяся в наследство. Это снятие происходило путем ее частичного разрушения, и особенно тех избыточных мощностей, спрос на продукцию которых отсутствовал. Тем самым устранялись наиболее глубокие структурные и технологические дисбалансы и формировались новые экономическое и технологическое пространства для возникновения новой макроэкономической структуры по критериям рыночного регулирования.

Можно констатировать, что свою роль по расчистке экономического пространства и макроструктурных дисбалансов в украинской экономике трансформационный спад выполнил. Этот спад должен был положить начало формированию традиционного для капиталистического воспроизводства промышленного цикла, прерванного практикой советской индустриализации. Отсутствие циклической формы движения промышленного капитала в советской экономике сняло проблему закономерностей его движения на весь период ее существования. В числе этих закономерностей – внутренняя взаимосвязь экстенсивного и интенсивного экономического роста, физический износ и моральное старение, периодическое массовое обновление материальной основы производства. Насильственное устранение циклической формы движения промышленного капитала обрекло советскую систему хозяйствования на технико-технологическое отставание и экстенсивное развитие.

Поскольку трансформационный спад стал специфической формой преобразования постсоветской экономики, а не разновидностью экономического кризиса в пределах промышленного цикла, то он не сопровождался массовым техническим обновлением производства, а лишь расчистил экономическое пространство для становления промышленного цикла. Однако в переходный период новые собственники не обладали достаточными денежными капиталами для инновационного инвестирования. Не способствовало этому и государство в виде выработки промышленной политики, направленной на возрождение циклической формы движения воспроизводственного процесса.

Известно, что промышленный цикл является имманентной формой освоения новой техники и технологии в капиталистической экономике. Продолжительность среднесрочного делового цикла определяется временем использования действующего в производстве поколения техники и технологии на основе рыночных критериев эффективности. Эти критерии учитывают сроки физического износа и морального старения функционирующих техники и технологии, а также определяют длительность промышленного цикла. В течение цикла производятся товары, соответствующие основной части покупательского спроса и порождающие возникновение новых потребностей, удовлетворение которых требует обновления функционирующих техники и технологии и способствует зарождению нового промышленного цикла. Возникшее и набирающее силу противоречие в пределах цикла между объемом и структурой производства, с одной стороны, и потребления, с другой, принимает форму проявления противоречия между спросом и предложением. Это, в свою очередь,

требует перехода к новому промышленному циклу в пределах сложившегося технологического уклада путем массового обновления действующего производственного потенциала. Особенно масштабные изменения происходят в макроэкономической структуре, сложившейся в пределах цикла при смене технологического уклада (как, например, сейчас при переходе от V технологического уклада к VI).

Особенности промышленного цикла зависят от типа модели рыночной экономики. В отличие от модели капитализма, где господствует механизм свободной конкуренции, а движение цикла не прогнозируется и не регулируется, в смешанной модели рыночной экономики, где государство проводит политику антикризисного регулирования, смена промышленного цикла не влечет за собой тяжелых разрушительных последствий. Однако, чем сложнее макроэкономическая структура экономики, тем труднее прогнозировать развитие хозяйственных процессов и проводить антициклическую политику.

Современная высокоразвитая рыночная экономика имеет более сложную систему экономических отношений, охватывающую разные сферы бизнеса и формы собственности. Главными субъектами такой экономики выступают крупные транснациональные корпорации, в основе которых лежит акционерная форма собственности. В рыночной экономике акционерный капитал представлен в своем натурально-вещественном и стоимостном бытии. В реальном секторе экономики представлены материальные активы, а на финансовых рынках — их стоимостное бытие — акции. Такое раздвоение акционерного капитала придает самостоятельность стоимостному бытию капитала и влечет за собой разрыв между реально существующими активами и их стоимостной оценкой на финансовых рынках. Этот разрыв тем больше, чем эффективнее функционирование капитала в сфере материального производства. Но, достигнув критической точки, такой разрыв порождает кризис в финансовой сфере, а затем и в реальном секторе.

Как показал кризис 2007–2009 гг., в условиях глобализации финансовые кризисы приобретают характер мировых. Глобализация усиливает стихийный характер кризисных процессов, поскольку в финансовой сфере мировые антикризисные институты регулирования не созданы. В настоящее время усиление стихийного характера развития мировой экономики обусловлено также сменой технологического уклада в связи с переходом от V технологического уклада к VI. Мировая экономика находится в пределах понижающей волны большого цикла конъюнктуры. Это обостряет противоречия в сфере крупного акционерного капитала, который приобрел интернациональные масштабы производства, усиливая тем самым стихийные процессы, поскольку такие масштабы функционирования транснациональных корпораций не поддаются регулированию в связи с отсутствием соответствующих международных институтов.

Негативный фон глобальных процессов отразился и на трансформационном спаде национальной экономики. За прошедшие десятилетия рыночной трансформации в ней накопилось слишком много противоречий, которые не разрешены до сих пор и среди которых наиболее значимы, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, за время реформ так и не была проведена реструктуризация экономики в обрабатывающей промышленности, а также не был задействован рыночный механизм массового технологического обновления производства в этих отраслях.

Во-вторых, государство не сумело переориентировать возникший частный капитал на инвестиционное развитие посредством всемерного развития предпринимательства. Государством не были задействованы наработанные мировой практикой

многообразные эффективные инструменты такого влияния. Неадекватное поведение новых собственников по отношению к вновь приобретенному имуществу не было ограничено. Безудержное наращивание личного, а не производственного потребления, вывоз отечественного капитала за рубеж (по экспертным оценкам, в объеме 150–200 млрд. дол.) в условиях огромной потребности в инвестициях внутри страны привели к утрате собственного инвестиционного потенциала украинской экономики.

В-третьих, не были четко разграничены сферы государственного и частного предпринимательства. Государственные предприятия *априори* рассматривались как неэффективные по определению, хотя мировой опыт, накопленный другими странами, и прежде всего Китаем, заслуживает внимания с учетом национальных особенностей.

В-четвертых, государством не были созданы институты поддержки реального сектора, и прежде всего – *банки развития, инвестиционные фонды и т. п.* При большом спросе на заемный капитал не были обеспечены условия для развития банковской системы, ориентированной на поддержку сферы материального производства инструментами денежно-кредитной политики.

В-пятых, государством не осознана возникающая и усугубляющаяся проблема чрезмерной имущественной дифференциации. Отсутствие дифференцированной шкалы налогообложения первичных доходов не позволяет решить проблему бедности, питающую деградацию значительной части населения, которая, в свою очередь, не позволяет сформировать средний класс и приостановить негативную демографическую динамику.

Все указанные обстоятельства не являются исчерпывающими, но вполне достаточны, чтобы не был запущен рыночный механизм массового технического обновления производства под контролем государства. Экономический кризис 2007–2009 гг., а также драматические социально-политические события ноября 2013 – февраля 2014 г. и подписанное в 2014 г. Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС (вступившее в силу с 1 сентября 2017 г.) подтолкнули экономических субъектов к адаптации своего бизнеса к новым вызовам. Однако без активной промышленной политики государства сделать это крайне сложно. Сами по себе рыночные силы не смогут заставить экономических субъектов оживить на инвестиционной основе отрасли обрабатывающей промышленности, преодолеть техническую отсталость реального сектора экономики, в массовом порядке избавиться от физически изношенного и морально устаревшего основного капитала.

Все сложные задачи должны решаться в условиях незавершенных процессов, характерных для периода перехода к рынку. Это продолжающиеся преобразования естественных монополий и социальной сферы, создание эффективной защиты прав собственности, разграничение сфер деятельности государственного и частного предпринимательства и т. п. Запуск рыночного механизма экономического роста должен учитывать специфические особенности сложившейся системы хозяйствования. Некоторые из них стали существенной характеристикой национальной хозяйственной модели.

Особенности сложившейся модели капитализма в Украине

Становление капиталистической системы хозяйствования в украинских реалиях обусловлено рядом обстоятельств, придающих ему специфически-исторический облик, завуалированный национальными особенностями становления нового государства.

Во-первых, его историческим предшественником был не строй, основанный на индивидуальной частной собственности с элементами рыночных отношений,

подчиненных волевым отношениям собственников, а советская хозяйственная система, где отсутствовал реальный частный собственник, нацеленный на увеличение своей собственности за счет приумножения доходов.

Во-вторых, в конце 1980-х и начале 1990-х годов к капитализму переходила не хозяйственная система, где преобладали ручное производство и мелкая индивидуальная частная собственность, а индустриально развитая страна с высокомонополизированной крупной промышленностью. Это создало иллюзию тождественности украинской экономики моделям рыночной экономики, сформировавшимся в высокоразвитых странах в конце XX в. К тому времени в этих странах уже сложились модели смешанной экономики, в каждой из которых, наряду с традиционными рыночными механизмами конкуренции, присутствуют многообразные институты регулирования рынка, а также механизмы государственного управления.

В качестве исторического предшественника украинская модель капитализма имела советскую плановую систему хозяйствования, наложившую свой отпечаток на вновь возникшую хозяйственную систему. Прежде всего, это унаследованный от прежней системы отношений высокомонополизированный индустриальный базис, нацеленный на удовлетворение нужд плановой системы хозяйствования. Поэтому исторической миссией возникшего в Украине капитализма становится продолжение завершения процессов индустриализации, но уже с учетом рыночных критериев макроэкономического регулирования, что, в свою очередь, предполагает решение целого комплекса проблем, среди которых главной является запуск воспроизводственного механизма индустриального развития на базе новых технологических укладов всех сфер экономической деятельности.

В-третьих, восстановление капитализма, прервавшего свое естественное историческое развитие в начале XX в., происходит в высокомонополизированной индустриальной экономике, для которой имманентна не индивидуальная частная собственность, а акционерная. Но, в силу целого ряда обстоятельств (отсутствия денежного капитала накануне приватизации, несовершенного механизма приватизации, утраты традиций владения и управления акционерной собственностью и т. п.), сложилось так, что крупными собственниками – держателями контрольных пакетов акций стали отдельные лица, так называемые “олигархи”, сохранившие близость к властным структурам, равно как и личный опыт пребывания у власти.

Следовательно, сложившаяся в Украине экономическая модель содержит ряд специфических особенностей, в которых парадоксальным образом сочетаются недостатки советского прошлого и сложившегося капитализма. Отсюда такие ее фундаментальные признаки, как господство бюрократии в союзе с олигархами; клановость и коррупционность, пронизавшие все уровни управления; отсутствие гарантий частной собственности; пренебрежение национальными экономическими интересами; антисоциальная направленность, проявляющаяся в доминировании частных интересов и неприемлемом социальном расслоении общества, и т. п.

Все эти признаки свидетельствуют о периферийной модели, сложившейся в системе глобального капитализма, где господствуют кланово-олигархические группы, опираясь на неолиберальную идеологию *. Именно эти социально-экономические силы выдвинулись на авансцену социально-экономических преобразований в стране.

* Такая модель действительно внешне имеет много сходных черт с латиноамериканской моделью “периферийного капитализма”. Однако нашей модели присущи черты, которые унаследованы от советской экономики и несут с собой неповторимый специфически-исторический

Но такая опора на олигархическую элиту не надежна из-за самой природы олигархии, которой присущи конкурентное поведение и борьба с соперниками за получение дополнительных доходов в виде “административной ренты”. К тому же не надежны и другие основания нынешней политико-экономической системы — такие, в частности, как отсутствие созидательной конкуренции, а в итоге и сложившегося механизма воспроизводства промышленного капитала. Остановимся на этом подробнее.

Основные условия формирования новой модели устойчивого роста

Известно, что в странах с давно сложившейся рыночной экономикой воспроизводственный процесс, ассимилируя достижения науки, постоянно изменяет хозяйственные модели, повышая их эффективность. В формирующихся рыночных экономиках, к которым относится и Украина, такой эффективный механизм устойчивого развития на основе воспроизводства промышленного капитала еще не создан. Поэтому, на наш взгляд, глубинные причины кризиса украинской модели заложены в системе общественного воспроизводства промышленного капитала, которая в условиях действия рыночных критериев эффективности предприятий привела к резкому сокращению обрабатывающих отраслей и расширению сырьевого сектора. Предприятия обрабатывающих отраслей не были готовы к участию в конкурентной борьбе ни внутри страны, ни на мировых рынках.

Украинское государство поддержало только предприятия сырьевых секторов (металлургического, химического и аграрного), поскольку именно они обеспечивали основные поступления в бюджет. Между тем в поддержке нуждались предприятия обрабатывающих отраслей, развитие которых связано с непрерывным обновлением производства в соответствии с внутренним и мировым спросом. Вследствие недальновидной экономической политики производственный потенциал нашей страны деградировал под воздействием стихийных рыночных сил. Сложившаяся модель развития казалась успешной до тех пор, пока сырьевой комплекс обеспечивал рост экономики. Но после исчерпания экономического роста в связи с падением мировых цен на украинские сырьевые товары возникла объективная необходимость изменить модель развития за счет возрождения обрабатывающей промышленности. Именно эта отрасль должна была стать локомотивом роста на основе постоянного внедрения научно-технических достижений.

Такая стратегия обновления экономического роста отвечала бы образу желаемого будущего Украины. Она должна была бы определять идейную направленность предстоящего развития, поскольку в украинском обществе сформировалось мнение, согласно которому выбор между тем, оставаться одной из моделей “периферийного капитализма” с утраченным высокотехнологичным потенциалом, где богатые становятся еще богаче, или стать страной с моделью, в которой признаётся ключевая роль инновационного потенциала в ее развитии и действуют социальные регуляторы, безоговорочно делается в пользу второго варианта.

Следовательно, выход из нынешних трудностей и переход на траекторию устойчивого развития возможны на основе новой социально-экономической модели, где расширенное воспроизводство возможно на предприятиях реального сектора экономики. Каждое предприятие должно иметь ресурсы, достаточные для постоянного расширения и обновления производства. Такими ресурсами, как известно, являются, во-первых, амортизационные фонды, обеспечивающие не только восполнение износа основного капитала, но и постоянное повышение его технического уровня;

облик. Это еще сохранившееся в структуре украинской экономики наличие высокотехнологичного сектора (авиа-, ракетно- и судостроение, атомное и общее машиностроение и т. д.), развитой науки и человеческого капитала, которые могут стать драйверами экономического роста.

во-вторых, банковские кредиты, необходимые для расширения производства; в-третьих, прибыль предприятий, используемая на расширение масштабов бизнеса.

Как уже отмечалось автором ранее, в странах с высокоразвитым потенциалом амортизационные отчисления составляют до 70% инвестиций, и только 30% приходится на кредиты и прибыль предприятий [7, с. 8]. Амортизация – наиболее стабильный источник инвестиций. Она наименее подвержена колебаниям цен, налоговых и кредитных ставок, спадам производства. Именно благодаря высокой доле амортизации в инвестициях США в 2001–2008 гг., которая в частном секторе достигала в среднем 77%, их капиталовложения уменьшились в кризисном 2008 г. всего на 4,4%, хотя чистые частные инвестиции сократились по сравнению с 2006 г. почти в 2 раза. В свою очередь, амортизация в этот период выросла на 11,2%, а в корпоративном секторе – еще больше – на 31% [7, с. 8-9]. В высокоразвитых странах успешно применяется механизм ускоренной амортизации, стимулирующий бизнес обновлять основной капитал за счет собственных ресурсов. Именно из высоких амортизационных отчислений финансируется перевооружение производства. В таком случае за счет сокращения налоговых отчислений из прибыли обновляется основной капитал. Но при нецелевом использовании амортизации она облагается высокими налогами на прибыль.

Таким образом, в высокоразвитых странах сложился механизм финансирования экономического роста, являющийся составным элементом промышленного цикла. В украинской экономике такой механизм воспроизводства основного капитала не создан. Поэтому необходимо постепенно формировать новую воспроизводственную модель. Следует, как в высокоразвитых странах, шаг за шагом превращать амортизационные отчисления в главный источник обновления основного капитала. Для этого необходимо не только сократить сроки обновления последнего, но и проводить его периодическую переоценку, учитывая не только физический износ, но и моральное старение, а амортизацию начислять по восстановленной стоимости. Нужно также осуществлять финансовый контроль за целевым использованием амортизационного фонда и облагать налогом суммы, не использованные по назначению. В то же время в национальной экономике на предприятиях сложилась такая характерная форма обновления основного капитала, когда оно осуществляется преимущественно не за счет физической замены, а путем переоценки стоимости. В таких случаях переоценка того или иного вида основного капитала, как и показатель степени износа оборудования, характеризуют его стоимостное, а не физическое состояние. Степень физического износа и морального старения основного капитала, определяющая соответствие его технико-экономических показателей требованиям научно-технического прогресса и интересам общества, при переоценке не учитывается. В производственной сфере показатель степени износа основного капитала является результатом не столько его обновления путем ввода в эксплуатацию новых производств и технического перевооружения действующих, сколько деятельности самих фирм, заинтересованных в переоценке имущества предприятий. В соответствии с порядком проведения переоценки основных средств, предприятия Украины могут сами инициировать ее в случае своей заинтересованности в увеличении стоимости собственных активов. Такая переоценка необходима предприятию, например, для обоснования своих действий по увеличению цен или тарифов на собственную продукцию, для повышения стоимости акций, а также для обеспечения более дорогого залога при получении банковского кредита и т. п. Так, по нашим расчетам, стоимость основных средств в Украине в

результате их периодической переоценки увеличилась за 1996–2017 гг. в 9,7 раза *. Но такая “бумажная” переоценка стоимости основного капитала не отражает реального физического износа и морального старения техники и тормозит ее замену.

Как показывает зарубежный опыт, интенсивное развитие инноваций во II половине XX – начале XXI в. сопровождается ускорением появления новой техники, делающим невыгодной эксплуатацию действующей, но еще не изношенной техники ввиду ее морального старения. Сегодня в развитых странах едва ли не решающей стала ориентация на моральное старение, существенно сокращающее время, за которое техника должна быть амортизирована, не достигнув полного физического износа. Как показывает реальная хозяйственная практика, в странах с развитой экономикой время полного использования технологического оборудования в среднем оценивается сроками не более 8–10 лет. Со II половины XX в. в высокоразвитых странах с целью обновления техники регулярно проводятся крупные амортизационные реформы (приблизительно раз в 10 лет). Они позволяют сократить амортизационные сроки обновления основного капитала. В результате таких реформ за 1950–2013 гг. доля амортизационных отчислений в общих инвестициях в США увеличилась с 18% до 70%. Такие регулярные амортизационные реформы дали этому государству возможность занять передовые позиции в мире по производительности труда и технической модернизации экономики. Последняя амортизационная реформа в США осуществлена в целях преодоления экономического и финансового кризисов 2008–2009 гг. Был принят закон под названием “Американский акт восстановления и реинвестиций 2009”, под который Конгрессом США выделялось 787 млрд. дол. Согласно этому закону, в первый год после приобретения имущества разрешалось одновременно списывать в виде амортизационных отчислений по корпоративному сектору 50% цены его приобретения, а по малому и среднему бизнесу – все 100%. В результате сегодня в этой стране объем инвестиций в основные фонды 95% крупных компаний приблизительно равен объему начисленной амортизации [7, с. 9]. Таким образом, сравнение фактических и нормативных сроков использования основного капитала дает реальную информацию о степени его физического износа и морального старения.

В то же время в украинской экономике, несмотря на перманентные инициативные переоценки основных фондов предприятий, их капитальная стоимость в десятки раз ниже, чем в промышленно развитых странах, что означает не просто моральное старение, а принадлежность к предыдущим технологическим укладам с их примитивными техникой и технологиями. Следовательно, воспроизводственный потенциал нашей экономики не имеет полноценной поддержки за счет амортизации не только вследствие значительного износа основного капитала, но и в связи с его относительно малой стоимостью. Амортизация как источник инвестиций не оказывает существенного влияния на воспроизводство основного капитала, как это происходит в развитых странах. Например, после переоценки основных средств на ПАО “Одессаоблэнерго” их стоимость возросла с 1172 млн. грн. в 2009 г. до 5947 млн. грн. в 2017 г., то есть более чем в 5 раз, а износ основных средств уменьшился на 1% (с 49% в 2009 г. до 48% в 2017 г.) **.

Формированию новой воспроизводственной модели основного капитала препятствует высокий уровень инфляции, не позволяющий накапливать свободные средства предприятий на его обновление. Поскольку проводимая переоценка

* Державний комітет статистики України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

** Фінансова звітність ПАТ “Одессаоблэнерго” за 2007–2009 рр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://oblenergo.odessa.ua/>.

основного капитала увеличивает его стоимость и амортизационные отчисления, не затрагивая его физическое и моральное состояние, то производительность этого капитала остается прежней. В итоге расходы на предприятиях растут, а прибыль при прежних ценах уменьшается. Рост себестоимости продукции и падение прибыли предприятия стремятся компенсировать увеличением цен. Следствиями таких действий являются рост цен или инфляция. Но повышение цен не выгодно для потребителей продукции. В развитой рыночной экономике преградой для роста цен служат законы конкуренции. Если у отдельных товаропроизводителей продукция становится дороже, чем у других, то они разоряются. Между тем в украинской экономике производитель, решая проблему выживания своего производства, повышает цену, перекладывая соответствующий рост затрат на конечного потребителя.

Таким образом, борьба за рост цен становится общей потребностью товаропроизводителей, и он включает не только возрастающую стоимость ресурсов для выпуска единицы продукции, но и ренту владельцев активов предприятий. Ее специфическая природа обусловлена особенными “правами собственности” инсайдеров. Нестабильность положения крупных собственников порождает кратковременный интервал их управленческих стратегий. Именно это обстоятельство в решающей степени определяет господствующий тип дохода, доминирующий в украинском бизнесе.

В литературе его определяют как “инсайдерскую ренту”, то есть доход доминирующей на предприятиях группы, присваиваемый за счет контроля над его финансовыми потоками. Ее надо отличать от предпринимательской прибыли, определяемой разностью между совокупными затратами и выручкой. Такая инсайдерская рента, маскируемая под возросшие затраты предприятий, уменьшает прибыль и сокращает бюджетные поступления. Основными источниками инсайдерской ренты служат часть инвестиционных ресурсов “прибыли и амортизации”, а также часть зарплаты, не выплаченной работникам, и др. Такая модель сложившегося механизма индивидуального воспроизводства капитала на крупных предприятиях генерирует инфляцию, рост численности бедных, “проедание” накоплений на развитие, а в перспективе – их банкротство. Стало очевидным, что простое упование на “необходимую самоорганизацию рыночных сил” не преодолевает системного кризиса воспроизводства.

Если исключить вариант радикальной ломки существующего хозяйственного строя, не способного переломить неблагоприятные тенденции и последствия от действий сложившейся модели, то это означает, что необходимо создать такую новую модель, которая сможет соединить достоинства государственного регулирования с преимуществами конкурентного рыночного капитализма. В перспективе такая модель может отличаться значительной подвижностью и изменчивостью в тех или иных исторических условиях. Единство конкурентно-рыночных и регулируемых государством начал придает этой модели характерные черты *переходной формы*.

Успешность такой модели нашла свое подтверждение в динамичном развитии европейских стран в послевоенное время, когда заметное внимание уделялось государственному регулированию и обеспечению социальных приоритетов в развитии. Важным аргументом в пользу подтверждения правильности гипотезы об использовании смешанной модели экономического развития выступают плачевные итоги реформирования Украины на протяжении всех лет ее независимости. Предпринятая попытка с помощью рыночных механизмов в форсированном режиме перепрыгнуть из советской системы в развитый капитализм, минуя особый этап государственного регулирования конкурентно-рыночных отношений, то есть этап *смешанной модели*, вполне закономерно обернулась печальными последствиями.

В зависимости от форм сочетания этих двух начал в смешанной модели капитализма возможны разные комбинации соединения рынка и государства, форм собственности, конкуренции и регулирования. Все это превращает такую смешанную модель в постоянно меняющуюся, адаптируемую к конкретно-историческим обстоятельствам, которая может использоваться не только при становлении рыночных форм хозяйствования, но и в продолжительном последующем периоде. Именно этим обстоятельством объясняется многообразие исторических форм смешанной модели в зависимости от исходных условий развития разных стран и решаемых ими задач. Тем самым различное сочетание рынка (частной собственности и конкуренции) и государства (государственного сектора и регулирования) определяет исторические особенности такой модели. Эти специфические разновидности в зависимости от сочетания рыночных и регулируемых начал придают циклический характер смене волн либерализации и социализации экономики мирового капитализма. Одной из преград, не позволяющей использования потенциала смешанной модели капитализма, служит упорная и, думается, небескорыстная приверженность значительной части правящей элиты принципам неолиберальной идеологии.

Необходимость использования на современном этапе развития нашей страны смешанной модели хозяйствования определяется, как минимум, двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, усиление акцента на конкурентных механизмах не исключает использования программно-целевых методов управления. В сложившихся социально-экономических условиях украинской экономике нужна действенная политическая воля государственных элит не в присвоении собственности, не в клановой конкуренции за доступ к государственным ресурсам, а в выработке комплексного плана социально-экономического роста. Ключевым показателем, на который должен быть нацелен комплексный план, является экономический рост, то есть прирост ВВП. Из него черпаются и денежные средства для потребления населением, и инвестиционные средства, и все другие ресурсы, которыми располагает общество. Если предположить, что в конце 2018 г. комплексный план будет принят и с 2019 г. начнет осуществляться, то при увеличении инвестиций в основной капитал и в “экономику знаний” (то есть в человеческий капитал) на 8–10% в год мы сможем перейти к устойчивому экономическому росту в 2019–2020 гг. А в 2021–2022 гг. этот рост может составить 3–3,5%, то есть будет не ниже мировых показателей и в 1,5–2 раза выше среднего прироста ВВП в развитых странах мира. Если продолжить линию наращивания доли инвестиций в основной капитал, в ВВП и в “экономику знаний”, то к 2025–2030 гг. среднегодовые темпы роста экономики смогут подняться приблизительно до 4–5%, то есть до уровня развивающихся стран. Такой рост должен происходить при значительном снижении энерго- и материалоемкости, повышении производительности труда и качества продукции, увеличении в составе ВВП доли высокотехнологичной продукции.

Во-вторых, новая технологическая революция, которая повлечет за собой коренные изменения в характере и составе будущих производительных сил, актуализировала проблему выбора долгосрочных целей в инновационной сфере, успешное достижение которых, как показывает мировой опыт, без активного участия государства практически не возможно. Сами по себе конкурентно-рыночные механизмы ориентированы на текущие результаты и получение прибыли, а решать столь масштабные и долгосрочные задачи они не способны. Происходящая в мире на наших глазах технологическая революция, преобразующая всю систему производительных сил, приобрела название “цифровая экономика”, ставшее популярным. Она должна пре-

образовать сферы производства и управления, что будет свидетельствовать о вступлении в новый этап развития производительных сил. Это новые вызовы для украинской экономики, поскольку сегодня наше национальное хозяйство имеет весьма уродливую структуру. В Украине около 80% приходится на традиционные продукты с относительно низкой добавленной стоимостью. Чрезмерно высока доля сырьевых продуктов, а также полуфабрикатов и традиционных материалов. В то же время весьма низка доля современных материалов, машин, оборудования, приборов, результатов глубокой переработки сырья. Их долю можно поднять, как минимум, вдвое, в том числе и в экспорте. Для этого необходима целевая ориентация комплексного плана, которая может иметь разную глубину в зависимости от того, насколько разные элементы всей хозяйственной системы подчинены целевым показателям. Такую целевую ориентацию в развитии всей хозяйственной системы предполагает *программно-целевой метод планирования*. В данном случае цель (например, прирост ВВП) обосновывается конкретной системой мер, выстроенных по приоритетности в достижении этой цели. Практическая реализация *программно-целевого метода планирования* предполагает наличие целевого управления и финансирования. Такой программно-целевой метод особенно важен в тех случаях, когда наблюдается катастрофическое отставание и возникла необходимость совершить прорыв в экономическом развитии, а не просто улучшить отдельные показатели.

Важнейшим составным элементом комплексного плана должен быть *финансово-кредитный план*, нацеленный на достижение установленных результатов. Главной составляющей финансово-кредитного плана должна стать программа вложений в технологическое обновление действующего производства, а также в “экономику знаний”. В этой программе важно определить источники инвестиций для корпораций, контролируемых государством, и средства частных предприятий, которые по прогнозам будут направлены на инвестирование в основной капитал и в сферу знаний.

Как показывает опыт финансово-кредитной поддержки обновления основного капитала в развитых странах, выделение средств путем *целевого инвестиционного кредитования* является лучшим способом достижения конечного результата. Такой инвестиционный кредит выделяется банками или специальными учреждениями, инвестиционными фондами, созданными для этих целей, после рассмотрения и утверждения бизнес-проекта. Этот кредит носит возвратный характер, предусматривает окупаемость соответствующих средств, а их использование — жесткий контроль со стороны банков. Средствами для инвестиционного кредитования могут стать не только активы самой банковской системы, но и привлеченные средства от приватизации, финансовые ресурсы в виде долговых обязательств, которые может привлечь государство. На наш взгляд, за 10 лет доля инвестиционного кредитования могла бы вырасти в разы.

Важнейшим источником социально-экономического роста становится человеческий капитал. Это возможно только в том случае, когда сфера “экономики знаний” получит приоритетное развитие, результатом которого будут подъем благосостояния населения, массовое формирование среднего класса, приостановление обеднения людей.

При таком подходе финансово-кредитный план будет нацелен на реализацию инвестиционной программы обновления производства, а в конечном итоге — на получение конечных результатов устойчивого социально-экономического развития страны.

Выводы

Таким образом, сложившаяся в Украине модель экономического развития демонстрирует неустойчивый экономический рост, что свидетельствует о несовершен-

стве ее основных элементов. Чтобы сформировать модель устойчивого экономического роста, необходимо понять разную природу спадов и подъемов в экономике перехода к рынку и в самой рыночной хозяйственной системе. Без такого понимания невозможно запустить механизмы воспроизводства промышленного капитала, а следовательно – и его обновления. Сложившаяся модель капитализма в Украине представляет собой разновидность “периферийного капитализма”, не обладающего внутренними механизмами устойчивого экономического роста. Выход из сегодняшнего опасного для страны направления неустойчивого развития возможен на основе новой модели, сочетающей в себе рыночные и регулируемые государством начала. Главной составляющей такой модели должен быть комплексный план обновления материально-технологической структуры национальной экономики.

Список использованной литературы

1. Кузьмин В. Ползучий рост экономики // Зеркало недели. – 2018. – № 29.
2. Минакова Н.В. Устойчивый рост в условиях открытой экономики // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 1. – С. 59–72.
3. Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // Вопросы экономики. – 2001. – № 7. – С. 116–125.
4. Дынкин А. Мировые экономические тренды // Вольная экономика. – 2018. – № 5. – С. 23–27.
5. Корнаи Я. Трансформационный спад // Вопросы экономики. – 1994. – № 3. – С. 4–10.
6. Красникова Е.В. Особенности становления постсоциалистического капитализма. – М. : ТЕИС, 2005. – 264 с.
7. Зверяков М.И. Глобализация и деиндустриализация: содержание, противоречия и способы их разрешения // Экономика Украины. – 2017. – № 12. – С. 3–12.

References

1. Kuz'min V. *Polzuchii rost ekonomiki* [Creeping economic growth]. *Zerkalo nedeli – Week's Mirror*, 2018, No. 29 [in Russian].
2. Minakova N.V. *Ustoichivyi rost v usloviyakh otkrytoi ekonomiki* [Sustainable growth in an open economy]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA and Canada: economy, politics, culture*, 2018, No. 1, pp. 59–72 [in Russian].
3. Aslund A. *Mif o kollapse proizvodstva posle krusheniya kommunizma* [The myth of output collapse after communism]. *Voprosy ekonomiki – Issues of economy*, 2001, No. 7, pp. 116–125 [in Russian].
4. Dynkin A. *Mirovye ekonomicheskie trendy* [World economic trends]. *Vol'naya ekonomika – Free economy*, 2018, No. 5, pp. 23–27 [in Russian].
5. Kornai J. *Transformatsionnyi spad* [Transformational recession]. *Voprosy ekonomiki – Issues of economy*, 1994, No. 3, pp. 4–10 [in Russian].
6. Krasnikova E.V. *Osobennosti Stanovleniya Postsotsialisticheskogo Kapitalizma* [Features of the Formation of Post-Socialist Capitalism]. Moscow, TEIS, 2005 [in Russian].
7. Zveryakov M.I. *Globalizatsiya i deindustrializatsiya: sodержanie, protivorechiya i sposoby ikh razresheniya* [Globalization and deindustrialization: content, contradictions and ways to solve them]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2017, No. 12, pp. 3–12 [in Russian].

*Статья поступила в редакцию 4 июля 2018 г.
The article was received by the Editorial staff on July 4, 2018.*